

Виталий Молчанов

Директор областного Дома литераторов им. С. Т. Аксакова, председатель Оренбургского регионального отделения «Союза российских писателей», член Творческого совета Ассоциации союзов писателей и издателей России. Организатор Международного фестиваля содружества национальных литератур «Красная гора» и Всероссийского семинара-совещания молодых писателей «Мы выросли в России», проводимого в пяти федеральных округах страны. Лауреат ряда литературных премий. Публиковался в «Литературной газете», в «Независимой газете (Экслибрис)», в журналах «Звезда», «Наш современник», «Prosodia», «Огни Кузбасса» и др. Награжден медалью «За особый вклад в книжное дело» и Почетной грамотой Губернатора Оренбургской области. Автор восьми поэтических сборников.

Дорога сделалась легка

* * *

Жил-был старик, потом его не стало.
Он продавал на улице цветы —
Тюльпаны, что росли на даче старой.
Ценители неброской красоты
Их покупали, мелочи хватало.

Жил-был старик, потом его не стало.
Пуская дым сквозь желтые усы,
На ящике стелил он покрывало,
Садился поудобней под кусты —
В тени жара не сильно доставала.

Жил-был старик, потом его не стало.
Крутил в кульки газетные листы —
Из каждого три стебелька торчало,
И три бутона в капельках росы
Изданье «Труд» надежно укрывало.

Жил-был старик, потом его не стало.
Вблизи открылся павильон «Цветы»,
Там роз, нарциссов, орхидей — навалом,
Но нет тюльпанов под конец весны.
Ни сквера, ни кустов — как ни бывало.

Вороненок

Он просто выпал ночью из гнезда,
Комочком перьев раздирая ветки...
Лиловая небесная мездра
Дождем сочилась, сукровицей редкой,
Прилипнув гематомой облаков
К ладошке остывающей вокзала.
А рядом, потревожив светляков,
Упавшего трава к груди прижала.
Сначала было страшно и темно:
Кричала мать, отец шумел крылами,
Пока, привычно вывернув руно,
Не прикоснулось утро рукавами,
Вернув тепло, спокойствие и свет.
Червяк исчез проворно в желтом клюве.
Семейный мигом порешил совет
Кормить поочередно, в карауле
Стоять, храня от алчущих клыков
И хищных лап, свою беднягу-детку.
Малышки с прилегающих дворов
Птенцу несли кто муху, кто конфетку.
Смеялся тихо городской вокзал,
От бликов щуря вычурные окна.
А день в одеждах солнечных дрожал
Над парком, развалившимся дремотно.
Когда комками ваты облака
Прижались к ранам алого востока,

Безжалостно тяжелая нога
Птенца в крыло ударила жестоко,
И на глазах у стихшей мелюзги
Вторично поднялась, в траву втоптала...
...Стихали долго пьяные шаги.
Гудок электро-слезно ныл с вокзала,
Вороны, страшно каркая на смерть,
С гнезда срывали прутьики пеленок.
Сердца детей заставил отвердеть
Комочек перьев — горе-вороненок.

Бомж

Темень адова. Пульс учащенный.
Стен проклятье, сырое на ощупь.
Крышкой неба к земле пригвожденный,
В тесный люк запечатает мощи.
Выпьет прелый туман теплотрассы,
Вместе с кашлем приблизится старость,
И приснится далекое раньше,
От которого мало осталось...
... снова мальчик в красивой рубашке,
Хорошист, чемпион по футболу.
Облаков озорные барашки
Провожают по небу из школы.
Губы матери. Ласка отца.
И тарелка с пахучими щами.
Льется, льется слеза бестолково
По щеке, что не брита годами...
От сумы, от тюрьмы и от смерти
Никогда зарекаться не надо.
Просто счастье в небесном конверте
Не нашло своего адресата.

Вдвоем до гроба

Скатилась медленно слеза,
Нажало сердце тормоза.
Завалидоль-ка
С утра присадку на движок.

Твой календарь насквозь промок.
Крестов-то сколько...

Крошительщик тихий облаков,
Насыпав снега, был таков –
Не обессудьте.
Коляска — юзом на сугроб,
Снежинка — на сыновний лоб.
— Смахни, простудит.

До поликлиники — квартал.
Диагноз — приговор-вандал
На айболитском —
Проехал танком по судьбе.
Визжащим траком: «ДЦП», –
За детским писком.

Вдыхая выхлопную гарь,
В киоске купишь календарь.
Крестообразно
Итожить, но не ставить крест.
— Я не оставлю! — крик-протест,
Гром в небе ясном.

Дорога сделалась легка —
Крошительщик выжал облака,
Прибив сугробы.
Коляска катится домой
Четырехкрыло за спиной.
Вдвоем до гроба...

Синдбад

Глаза вцепились в потолок.
Прожилками мясного студня
Пьют злобу трещин — черный сок
Рутинных заполошных будней.
Лень обездвижила корабль —
Кровать бессонницы Синдбада,
И не поднимет с пола таль

Тяжелый якорь. Нет возврата
К безумству молодых морей.
Под парусами-простынями,
Как в морге — штиль. Теперь Борей
С другими пьянствует друзьями.
Ему бы распахнуть окно,
И дверь открыть: «Входи без стука».
Но страшно на родное дно
Впустить раскаркавшихся рухов,
Циклопов-дворников, шаги
Чужих скелетов в форме власти...
А в полушариях пески,
Пересыпаясь пеплом страсти,
Воспоминаньями текут,
Итожа, приближая к смерти:
«Синдбад был мореход и плут,
Но сел на мель и свылся с этим».

Чужие мысли (по Г. Г. Маркесу)

На зыбкой почве памяти моей бушует сельва — пламя древомыслей потомка неизвестных мне людей, чьи обезьяны — злобные, как гризли, гоняют попугаев прочь с ветвей, клекочащих о птичьей глупой жизни, коверкая испанские слова акцентом старожиллов-гуахирос. Вновь сыграна звенящая глава... Из броненосца сделанная лира молчит — колышет кроны ветерок... «Ищи Макондо...» — шепот между строк, дыхание тропического зверя: «Бери копье, мачете, Столп Империй, — иди, ты многорук и многоног, сто лет рубить дорогу к океану, теряя годы в чащах цвета лжи, чтоб в дуло посмотреть, как игуана, бесстрастно — без надежды и души».

На зыбкой почве памяти моей бушует сельва — жгут чужие мысли, сажает лес писатель Габриэль, сплетаются побеги, еле вызрев, пускают корни яростно и зло — до боли мозговой, до глаукомы... А кажется, что бабочки крыло касается сознания невесомо.